

ЛАУРЕАТ ГРАН-ПРИ ФРАНЦУЗСКОЙ АКАДЕМИИ

Кристоф Оно-Ди-Био

СИРЕНА

СОВРЕМЕННЫЙ ОРФЕЙ В ПОИСКАХ СВОЕЙ
ПОТЕРЯННОЙ ЛЮБВИ.

Кристоф Оно-ди-Био

Сирена

«Фантом Пресс»

2017

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)

Оно-ди-Био К.

Сирена / К. Оно-ди-Био — «Фантом Пресс», 2017

ISBN 978-5-86471-801-8

Сезар не знает, зачем ему жить. Любимая женщина умерла, и мир без нее потерял для него всякий смысл. Своему маленькому сыну он не может передать ничего, кроме своей тоски, и потому мальчику будет лучше без него... Сезар сдался, капитулировал, признал, что ему больше нет места среди живых. И в тот самый миг, когда он готов уйти навсегда, в дверь его квартиры постучали. На пороге – молодая женщина, прекрасная и таинственная. Соседка, которую Сезар никогда не видел. У нее греческий акцент, она превосходно образована, и она умеет слушать. Так начинается путешествие Сезара в жизнь незнакомки и по закоулкам собственной души. Новый роман одного из самых интересных современных писателей Кристофа Оно-ди-Био – чуточку притча, чуточку философский роман, история любви, история отца и сына, история поисков себя в сегодняшнем хаосе и упорядоченности античной Греции. Роман невольно вызывает в памяти «Волхва» Джона Фаулза – траектория поисков Сезара, как и путь героя Фаулза, определяется древнегреческими мифами. Это новая интерпретация легенды о Минотавре, и мы блуждаем по лабиринтам нашего мира – угрожающего, непредсказуемого, буйного и все же прекрасного.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)

ISBN 978-5-86471-801-8

© Оно-ди-Био К., 2017

© Фантом Пресс, 2017

Содержание

I	7
Сделать чисто	7
Нана	13
Возвращение к Пас	16
Общество любовников Сирены	21
Общение	27
Починить статую	29
Каталог татуировок	32
Балкон над морем	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Кристоф Оно-ди-Био

Сирена

Роман

Эктору и Альме, которые уже так любят сказки

– Вы верите в Бога?

– Я? Я верю в Зевса.

Том Вулф

Только языческая древность возбуждала мое желание, потому что это был мир былого, потому что это был исчезающий мир.

Поль Вен¹

* * *

Christophe Ono-Dit-Biot
Croire au merveilleux

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Издание осуществлено в рамках программы содействия издательскому делу «Пушкин» при поддержке Французского института.

Книга издана с любезного согласия автора и при содействии Литературного агентства Анастасии Лестер.

Copyright © 2017, Éditions GALLIMARD, Paris

© Нина Хотинская, перевод, 2018

© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2018

---

¹ Поль Мари Вен (р. 1930) – французский археолог и историк античности, специалист по истории Древнего Рима. Выпускник Высшей нормальной школы Франции, в данный момент является почетным профессором в Коллеж де франс. – Здесь и далее примеч. перев.

I

Мертвый

Франция, Париж и Италия, Амальфи

Сделать чисто

Сегодня я умру.
Я не болен.
Я не разорен.
Я не могу больше жить, вот и все.
Обездоленному до такой степени можно ли вообще употреблять это слово — *жить*?

Я долго верил, что справлюсь. Верил всему, что мне говорили: надо смириться со смертью любимой, придет успокоение, и затем она возродится как идеал в воспоминаниях... если бы. Я вижу только ее прах, плавающий на воде. его вкус стоит у меня во рту.

Ночью протянешь руки — и никого больше нет, и нет ничего вообще.
Я не могу вернуть ее, мои слова бессильны, а у меня только слова и есть, поэтому я хочу умереть.

Больше никого? Я сгущаю краски — кое-кто есть. ребенок, наш сын, шести лет. но моя любовь к нему, его любовь ко мне и даже обе они не в силах уравновесить чашу весов. Слишком она перевешивает, пустая чаша, — та, что влечет меня.

Когда я смотрю на него, я вижу ее. И злюсь на него за это, как злюсь и на нее. Те же черты, тот же вызов в темных глазах, та же грация, та же кожа, те же вспышки гнева.

Так что пора кончать. Я знаю, что отбрасываю все мои отцовские обязанности, когда пишу это, но отец ли я еще?

* * *

Если и отец, то плохой. Я это понял еще в Шамборе², несколько месяцев назад, зимой. Замок, где снимали «Ослиную шкуру»³. Я решил свозить его туда, потому что он был в восторге от фильма, особенно от Денев. Лично я предпочитаю Сейриг⁴. Небо, серое до белизны, венчало колоколенки, башню с лилиями, террасы, украшенные лепными саламандрами, по которым мы бродили вдвоем, рука в руке, между небом и землей, до отвесного края. Посетителей было немного, все продрогшие, как мы, а вокруг насколько хватало глаз, нас обступал лес, будто мы были на острове, под угрозой когтистых волн. Мне приходили в голову не легендарные охоты и мчащиеся по зарослям кабаны, не факелы, в свете которых несутся каваль-

---

² Замок Шамбор, или Шамборский замок, — один из замков Луары. Был построен по приказу Франциска I, который хотел быть ближе к любимой даме — графине Тури, жившей неподалеку.

³ «Ослиная шкура» (1970) — фильм Жака Деми по сказке Шарля Перро с Катрин Денев в главной роли.

⁴ Дельфин Сейриг (1932–1990) — французская актриса. Известна своими ролями в интеллектуальном кино, в частности в фильмах Алена Рене.

кады юных принцев с горячей кровью, возбужденных струящимися под корой соками, – нет, я видел жестокие убийства, младенцев, которым вырывают сердце, потому что этого требует злая мачеха, молодых женщин, чью добродетель попирают и бросают затем их красоту на съедение волкам, размозженные камнями головы невинных, из которых брызжет кровь, пятная кружево папоротников.

Мы спустились по двухзаходной винтовой лестнице, задуманной, говорят, самим Леонардо да Винчи. Комнаты были ледяные, облезлые обои давно покинуты красками. Холод царил везде, мы чувствовали, как он крепок, кончиками наших застывших пальцев. Вырезанный из дерева олень в натуральную величину, которого мы видели в фильме Жака Деми, красовался в центре зала с большим крестом в рогах. Потерянное в этой бескрайности изваяние разрывало сердце. Это был не замок, это был склеп.

У меня не было сил отвечать на его вопросы о королях, Леонардо, Ренессансе и символизме цветка лилии. Этот бред в камне вонял смертью, меня воротило – я ведь знал, что этот запах исходит и от меня.

Я все понимаю, в этом моя драма. Как будто жизнь не хочет больше течь по моим жилам. Боюсь, что это безысходно.

Я не заслуживаю моего сына и его любви. Его грации олененка.

По дороге к Шенонсо я думал о родителях, которые, прежде чем убить себя, убивают своих детей. Мне это всегда казалось гнусностью, а вот в тот день я понял. Мы миновали пункт уплаты дорожной пошлины и проехали бетонную силосную башню колоссальных размеров, выглядевшую заброшенной.

– Папа, ты не включишь музыку? – спросил он своим тонким голоском.

– Конечно, сердечко мое.

Да, в тот день я понял. Детей убивают не потому, что хотят перечеркнуть жизнь, которая не удалась, не от желания, дав задний ход, сгладить сумятицу, которую мы, взрослые, посеяли в их жизни.

Нет. Убивают затем, чтобы дети не судили нас, когда вырастут.

А я его суду доверяю. И поэтому хочу, чтобы он жил.

Он будет жить, и в лучших возможных условиях. Я обо всем для него позаботился. Круглая сумма ждет его по достижении совершеннолетия. А до тех пор солидное содержание. Все в порядке, оформлено, нотариально заверено. Его будут растить те, кто вырастил меня. Там, где он сейчас. Он ни в чем не будет испытывать недостатка. Нет, ему будет не доставать отца. Ничего страшного, так даже лучше: я не успею его разочаровать, как все отцы.

Трусость? Нет. Трусостью было бы не сделать этого, продолжать до такой степени предавать себя. Я положу конец не моим дням, я положу конец долгой ночи.

Мои мысли путаются. Я не могу больше с ними сладить.

* * *

Моя жена погибла. Под водой. Но перед смертью она ушла, оставив нас одних, меня и моего сына. Я так и не узнал, собиралась ли она вернуться из этого путешествия, ставшего

роковым, или же поставила на нас крест. Она была артисткой... С ними, артистами, никогда не знаешь. Цена творчества тяжела. Беда в том, что зачастую платят ее другие.

Это неведение терзает меня. И я скитаюсь, точно старый добрый Улисс, на борту моего тела, чей остов стонет, без надежды вернуться далеко за моря, на ложе из олив, где ждет меня Пенелопа.

Пенелопа меня бросила.

* * *

Надо видеть, на кого я стал похож. Прошло два года, но я постарел на все десять.

* * *

– Почему ты плачешь, папа? Я тебя поцелую, и все пройдет.

Это он встал, только того мне и не хватало, и утешает меня, глядя. Он ложится рядом, и ко мне возвращается прерванный сон.

Мир перевернулся. Мне стыдно.

– Где у тебя болит, папа?

Ничего не поделаешь, надо что-то ответить.

– У меня болит сердце, сынок.

Он повторил это на днях в школе. «У моего папы болит сердце». И когда я пришел за ним, учительница спросила, не нужен ли мне хороший кардиолог.

Так это и есть боль утраты? Выдерживать глухую тишину, постоянно биться о стену отсутствия? Плакать, храня надежду на чудо?

* * *

Замок Шенонсо как будто аккуратно поставили на реку Шер, и он крепко стоит на своих аркадах. Это не замок-крепость, это замок-мост. Во время Первой мировой войны его превратили в госпиталь. Со своих коек раненые ловили рыбу в реке. Шер. Дорогой⁵. Моему дорожному очень понравился Шенонсо. Спальня королевы, большие кровати с балдахинами, портреты Дианы де Пуатье⁶ и Дианы-охотницы с полумесяцем в волосах, и D, переплетенное с H, инициалом Генриха⁷, можно ли лучше изобразить любовь, и вырезанные на дверях сирены, и портрет госпожи Дюпен, которая держала литературный салон и принимала Вольтера, Руссо, Монтескье и Берни.

– Она красивая, папа... А что такое муза?

– Женщина, которая вдохновляет художников.

– Она помогает им дышать?

– Да, мой олененок.

Мне же понравилась только одна комната. Спальня Луизы Лотарингской, жены Генриха III, наверху, под самой крышей. Все стены выкрашены в черный цвет, везде один и тот же узор, до тошноты повторяющийся на тяжелых складках балдахинов и оконных гардин, – рога изобилия, проливающие серебряные слезы. В углу молельня и портрет Генриха: камзол и черная

---

⁵ Название реки *Cher* омонимично слову *cher* – дорогой.

⁶ Диана де Пуатье (1500–1566) – возлюбленная и официальная фаворитка короля Генриха II Французского. Замок Шенонсо был подарен ей королем.

⁷ По-французски *Henri*.

шапочка, усы и мушкетерская бородка, сапфир в ухе, меланхоличный взгляд. Подходящий для меня девиз: *Manet ultima caelo*, «Последняя находится на небесах». Вот только у него это была не последняя женщина, но последняя корона, после польской и французской, возлежавших на его смертном челе. Лигист Жак Клеман, христианский террорист, вонзил нож ему в живот в 1589-м. На небеса, Генрих! Оставшаяся на земле Луиза сгорает в горе и делает эту комнату своей могилой. Живая, но мертвая. Мне здесь понравилось. Понравился этот черный цвет. Понравилась рама картины на евангельский сюжет, где три капли крови истекали из сердца, окруженного терниями.

Это было мое сердце.

«Стоит ли жить с таким отцом, как ты?» – сказал я себе, выходя из зеленого лабиринта, который Екатерина Медичи пожелала разбить в своем парке. Заплутав в тисовых изгородях и так радуясь тому, что заплутал, сын звал меня:

– Где ты, папа? Я тебя не вижу! Папочка!

Слезы текли по моему лицу, и я торопливо вытер их рукавом. «Папочка, где ты?» Он не видел меня. Ослепленный солью, щипавшей глаза, раздавленный стыдом, оттого что не мог ему ответить, я хотел, чтобы сырая земля, устланная ковром полуразложившихся листьев, поглотила меня. И чтобы какая-нибудь добрая фея увезла его в своей карете и позаботилась о нем.

Ему будет лучше без меня. У меня правда нет больше сил. Я передал ему лучшее, что у меня есть.

Все остальное, мои пороки, мой набор неврозов, – надо ли ему это знать?

Он нашел выход из лабиринта и прыгает мне на шею. Я сжимаю его голову в ладонях. Он улыбается. Это невыносимо, ведь у него ее черты, но он – не она.

Дитя – как город Дит в Дантовом аду. Ад я ему и обеспечу, если останусь.

Почему она ничего мне не оставила?

Объяснения?

Чтобы я знал, по крайней мере, как она рассчитывала поступить с нами?

* * *

Прыгай в крапиву, шут гороховый, пусть мозги брызнут на стены. Нет, я хочу сделать чисто, отнестись с уважением к тем, кто меня найдет. Остаться предметом дизайна, подходящим к моей мебели.

Я просто соскользну. Тихонько.

Очищу помещение.

Мое окончательное решение – медикаментозное.

* * *

Пора. Я встаю, чтобы закрыть окна. Не хотелось бы вспотеть. Сезон каникул, и в Париже жара. Идеальная погода, чтобы уснуть вечным сном. Улицы пусты. Ни звука в городе, где вот уже год свирепствует смерть, поражая во имя восточного бога, который, говорят, жаждет крови тех, кто в него не верит.

Каникула, по-латыни «маленькая собачка». Это имя, пишет Плиний Старший в своей «Естественной истории» (вон она, эта большая шишка Античности, красуется в моем книжном шкафу), римляне дали Сириусу, главной звезде созвездия Большого Пса. В это время года она пробуждается одновременно с Солнцем и «распаляет солнечный жар».

Nam caniculae exortu acendi solis vapores quis ignorant.

«Действия этой звезды сказываются на Земле сильнейшим образом»⁸, – добавляет Плиний, который умер, задохнувшись во время извержения Везувия, – моря вскипают, стоячие воды бурлят, собаки наиболее подвержены бешенству.

Короче, звезда встает, а я ложусь.

Небесное тело и тело брренное.

Я шучу. Имею право.

Я сажусь в кухне. Смотрю на десяток капсул, разложенных рядком на столе, точно пули снайпера-маньяка. Я уже проглотил три, и миорелаксантное действие наконец-то ощущается. Миорелаксант: расслабляющий мускулы. *Мио* – мускул по-гречески и, как ни странно, еще и мышь, вот ведь незабудка по-гречески называется миоэотис, «мышинное ухо». Этой путанице мы обязаны выражением «мышка ягненка», знакомым всем мясникам. Плевать? Наверно. Я уже всех достал моей этимологией. Ничего не могу поделать. Я люблю слова, их древний смысл, мостики, которые они перебрасывают в настоящее. Ощущение порядка, связи, укорененности, единственное еще оставшееся в этом мире безумия. Где слова больше ничего не значат. Где истина уже не в счет. Где нюансы умерли.

Одна капсула укатилась. Я возвращаю на место строптивый цилиндрок. Это номер 7. Поменьше других, как 8 и 9, но те круглые. Глотаю номер 4. Я хорошенько поработал над дозировкой. Меня не вырвет, и я не отключусь слишком быстро. Все что угодно можно найти во Всемирной паутине. Полный перевод Квинта Смирнского⁹ и такие вот рецепты. Чувствую, как меня накрывает покой. Приятно. Сосредоточиваюсь на этом ощущении. Словно жидкая вата в жилах. Я умиротворен.

Я сказал – Улисс, но нет, я Сократ, выпивший цикуту в кругу друзей. Вот только друзей у меня нет. Это отчасти моя вина. Очень скоро после ее ухода у меня пропало желание с кем-либо видаться. Видеться по-настоящему, я хочу сказать. В профессии я еще держусь. Погреб себя под работой. Я даже снова взялся за репортажи, потому что мир повсюду кровоточил, безопасных мест не осталось, и бессмысленно было заключать пари о судьбах Европы. Да, друзей нет, кроме бумажных созданий, живущих между страницами моей библиотеки. Только книги могут меня успокоить, днем ли, ночью, когда возвращается призрак. Только древние герои умеют достучаться до моего сердца, что не удастся живым.

Мои ноги тяжелеют, сердце бьется медленнее.

Греки называли это состояние «атараксия». Отсутствие волнений.

...ἀλλὰ μοι δῆλόν ἐστι τοῦτο, ὅτι ἤδη τεθνάναι καὶ ἀτηλλάχθαι
πραγμάτων βέλτιον ἦν μοι.

...напротив, для меня очевидно, что мне лучше уж умереть и
освободиться от хлопот¹⁰.

Как это мило, вся эта древняя культура, эти древние мифы, всплывающие, как пузырьки шампанского со дна бокала, вот только пузырьки выходят из меня.

Они были со мной всю мою жизнь и говорят мне последнее «прости».

Я чувствую, как все замедляется. Погружаюсь в ватный океан. Смотрю на коробочки, маленькие кораблики с именами героев научной фантастики, которые уносят меня в небытие.

---

⁸ Плиний Старший. Естественная история. Кн. II. Гл. 40.

⁹ Квинт Смирнский (др.-греч. Κόϊντος Σμυρναῖος, лат. *Quintus Smyrnaeus*; Квинт Калабрийский, лат. *Quintus Calaber*) – древнегреческий поэт позднейшей эпохи (вероятно, IV века). «Калабрийским» Квинт называется потому, что одна из рукописей его произведения найдена в Калабрии в XV веке.

¹⁰ Платон. Апология Сократа. Пер. М. С. Соловьева.

Хотя, не стану скрывать, я ожидаю лучшего, чем небытие. Быть может, сюрпризов? Встречи с ней, как знать? Ну вот и все, я соскальзываю.

Что это за звуки?

Нана

Кто-то звонит в дверь. Короткие ритмичные звоночки. Сначала робкие, потом все настойчивее. Я слышу их, хоть голова уже полна ваты. Они мне мешают. Я так хорошо утрелся здесь, на табурете, глядя на пилюли, которые мне осталось принять, и мечтая о том, как буду лежать на кухонном полу, доверившись моей молекуле, провожающей души в загробный мир, моему Вольдеморту в капсулах.

Конечно же, я не открою. Не в состоянии. Не хочу.

Вот только звонки продолжают. Теперь уже громче. Кого принесло, на мою голову? Кто сорвет мне все дело? Я прячу оставшиеся пилюли под полотенце. Не хватало попасться. С трудом встаю. Смотрю в глазок.

Девушка.

Незнакомая девушка звонит в мою дверь.

Я возвращаюсь в кухню. Звонки продолжают.

Возвращаюсь к двери. Снова смотрю. В руке у нее мотоциклетный шлем. Золотистый. Волосы светлые. Длинные.

Она поднимет на ноги весь дом. Испортит такой момент. Голова тяжелая, но я принимаю решение. Сейчас, я проверну это быстро. Я открываю дверь.

– Извините меня. Я забыла ключи.

Я готов расхохотаться. Человек пытается умереть, и вдруг – дзинь-дзинь, «я забыла ключи».

– Ключи?

Язык плохо слушается. Вещества начинают действовать. Подняв брови, она смотрит на меня с жалостью. А потом без приглашения входит.

Она одета в белое платье до середины бедра. Ремешок замшевой сумочки через плечо делит бюст на два неагрессивных бугорка. В руке, стало быть, золотистый шлем. Да, знаю: игроки Нотр-Дам Файтинг Айриш, университетской команды американского футбола в штате Индиана, носят такие.

Ей лет двадцать. Ну двадцать два... Она уже идет по коридору. На тонких лодыжках проступают ахиллесовы сухожилия, уходящие в стройные, спортивные икры. Я чувствую в этом теле энергию, которая мне не по плечу, и это меня тревожит. У меня свои дела. Она может все испортить. Мне хочется, чтобы она уже была за дверью.

– Простите, но вы, собственно, кто?

Она останавливается, оборачивается. Я могу лучше разглядеть ее овальное лицо, как будто чуточку мужское, большие глаза с длинными ресницами. Гладкая кожа, приоткрытый рот.

– Ваша соседка напротив.

Она рассматривает квартиру, коридор, зеркала, лампы. Идет все дальше. Осваивается, вполне в себе уверенная.

Я выдвигаю возражение:

– Моей соседке напротив восемьдесят лет...

– Она умерла полгода назад. – У нее иностранный акцент, но я не могу распознать какой. – Вы не заметили?

– Похоже на то.

Мне кажется, что я уже видел эту девушку. У меня хорошая память на лица. Я, однако, уверен, что она никогда не работала у меня беби-ситтером.

– Красивая статуя, – говорит она, показывая на пловчиху, которая стоит в прихожей, внутри стеклянной вазы.

Я вздрагиваю: история этой статуи для меня мучительна.

– Извините, но что вам нужно?

Я не повысил голос. Нет сил.

– Я же вам сказала. Я жду ключи. Но вы не беспокойтесь, я не на вечность. Так ведь говорят?

Я не отвечаю. «Вечность» – очень кстати.

– Мой брат будет с минуты на минуту. Я ему позвонила. Он привезет мне ключи. Я предпочла постучаться, чем идти в кафе. Правда, мы незнакомы...

Я молчу. В голове все разрастается холодная вата.

– Надеюсь, я вам не помешала.

Я качнул головой и чуть не потерял сознание. Она должна уйти.

Держаться на ногах стоит мне невероятных усилий. Лишь бы не упасть. Сейчас не время для юных девушек – смертный час.

– Когда придет ваш брат?

– Скоро.

Она идет дальше, входит в гостиную и останавливается перед книжным шкафом. Великая стена – эта коллекция книг, мало кому знакомых из двадцатилетних. Здесь не только Плиний Старший, здесь почти все. Сливки сливок античной литературы. Греческие желтого цвета, латинские кирпичного. Желтых у меня больше. Перед этими книгами я благоговею. Она проводит тонким пальчиком по корешкам. Меня удивляет этот жест, эта затянувшаяся ласка. Ногти покрашены, но бесцветным лаком, пальцы без колец. Никаких украшений ни на шее, ни в ушах. Только два золотых браслета на запястье. Переплетенные листья. Ее палец задерживается на одном из томов, который она достает с полки. Желтый, обложка украшена маленькой совой, эмблемой серии. Она листает книгу, как если бы находилась тут одна. Я смотрю на нее с любопытством.

– Дадите мне ее почитать? – спрашивает она.

Я отвечаю не сразу.

– «Теогонию» Гесиода?

– Это двуязычное издание. Поможет мне работать над французским.

Теперь мне лучше понятен ее акцент. Гречанка, стало быть. Гречанка и блондинка. Я нахожу в себе еще немного сил, чтобы ответить:

– Поэма восьмого века до нашей эры, в которой рассказывается о сотворении мира и битвах богов и монстров, вряд ли это послужит вам в сегодняшней Франции.

– Почему бы нет, ведь чудовища никуда не делись?

Очень мило. Но ей нечего здесь делать. Время поджигает.

– Возьмите. А теперь извините, меня ждут.

Она кладет книгу в свой шлем, который держит в руке, как корзинку, но и не думает уходить.

Протягивает мне руку.

– Нана, – говорит она.

Я вынужден посмотреть ей в глаза. Они не просто зеленые, но бледно-зеленые, и золотые искорки поблескивают в глубине. Я устало повторяю:

– Нана?

– Да, как Мускури¹¹. Вы это хотели сказать? – со смехом добавляет она.

---

¹¹ Нана Мусхури, или Нана Мускури (Йоанна Мусхури, р. 1934) – знаменитая поп- и джазовая певица греческого проис-

Лицо ее озаряет улыбка. Солнечная, но недостаточно, чтобы рассеять мою тьму.

– А вас? – спрашивает она.

– Простите?

– Как вас зовут?

– Сезар.

Я по-прежнему держу ее руку в своей. Вернее, это она удерживает мою. Рев мотора врывается в окна.

– Марчелло, – тихо выдыхает она и поворачивается к двери.

В добрый час. Я слышу глухие звуки по ту сторону лестничной площадки. «Нана!» – кричит гортанный голос, и кто-то колотит в дверь напротив.

– Он правда знает, что у вас нет ключей?

Ее глаза вспыхивают. В них мелькнуло что-то жестокое.

Я открываю дверь. Молодой человек, затянутый в кожаные брюки и кожаный жилет, открывающий голые руки, оборачивается. Узкая борода контрастирует с бритой головой, подчеркивая мощную челюсть и упрямый подбородок. На меня он бросает удивленный взгляд, сразу ставший недобрый. Ей – фразу, очевидно, по-гречески, агрессивным тоном; она не отвечает. На лестничной площадке в последний раз смотрит на меня.

– Берегите себя, – говорит она.

Закрыв дверь, я подсматриваю за ними в глазок и не могу поверить тому, что вижу. Она открыла сумочку, засунула туда руку и достает связку ключей, они болтаются и позвякивают на кольце. Она выбирает один и вставляет в замочную скважину. Что за игру она затеяла? Дверь открывается. Они входят к ней и скрываются с глаз.

Я опираюсь ладонями о дверь, пытаюсь удержать равновесие. Чувствую себя вымотанным, обманутым. Разочарованным в очередной раз в этом мире и его обитателях. Кто эта девушка? Зачем она наплела мне про ключи? Я, как атлет, как лыжник-ас, идеально подготовленный к трассе супергиганта, столько раз проходивший ее, что способен с закрытыми глазами распознать каждый бугорок, каждую наледь, стартовал и преодолел самый трудный участок. Ничто больше не должно было меня остановить. Однако именно это она и сделала – остановила меня, можно сказать, на лету. Мне осталось принять шесть капсул, но я уже знаю, что момент упущен – тот самый *кайрос*, как говорили древние греки, определяя этот зазор между слишком рано и слишком поздно. Зачем только я открыл окаянную дверь? Даже вычеркнуть себя из жизни я не сумел.

Я думаю о сыне. Он был на волоске. Мне, наверно, надо благодарить эту Нану. Ладони скользят по двери. Я чувствую себя разбухшими от сырости и плесени обоями, которые отклеиваются от стен в старых домах, выставленных на продажу. Мне удастся сесть. Я вытягиваюсь на паркете – только такого гроба и достоин тот, кто не сумел умереть.

И кому не дает покоя вопрос, где он мог видеть эту девушку? Ведь я ее уже видел, я уверен. Соседка?

Извините, та, кого я знал, была старухой. Умерла? Очень может быть, ей за восемьдесят, и она ходит с дыхательным аппаратом, спрятанным в сумке на колесиках. Я, конечно, был рассеян в последнее время, немного не в себе, мог не заметить, что она покинула земную юдоль, и это не очень *цивилизованно*, признаюсь, но я точно знаю, что, встретить я эту девушку в лифте или в подъезде, я бы этого не забыл.

А коль скоро я ее помню, значит, видел где-то еще.

Возвращение к Пас

Открыв глаза, я увидел сначала только ее. Погружающуюся ко мне, на лице маска, в вытянутой руке острога – она была бы нацелена мне в горло, не будь между нами этого спрута, у которого нет ни малейшего шанса.

Ее мускулы напряжены, спина выгнута, дыхание задержано. И она цела. Наконец-то цела.

Это статуя. Подводная охотница. Эту статую обожала женщина, которую обожал я.

С трудом поднимаюсь, еще оглушенный лекарствами, и с нежностью смотрю на нее, на мою маленькую терракотовую женщину. Как всегда, когда я думаю о Пас, к горлу подступает комок, а к глазам слезы. Слезы тяжелые, жгучие, не дающие дышать.

Отреставрированная, слепленная заново, она может теперь вволю резвиться в высокой стеклянной вазе, на дне которой, усеянном мелкими камешками, дремлет крошечная морская звезда.

Она охотится на видном месте в прихожей, вот почему соседка, как и все мои гости, не могла ее пропустить.

Эта статуя однажды разбилась. Глупейшим образом. В Италии, откуда она прибыла. И откуда, очень не исключено, могли прибыть и зеленые с золотыми искорками глаза моей соседки. Да, мне кажется, что именно там я видел их в первый раз. Надо теперь напрячь память, чтобы удостовериться.

* * *

Это было за несколько месяцев до беременности Пас, вернее, до того как она стала заметна. Мы, как и каждое лето, поехали на Амальфитанское побережье, что в часе езды от Неаполя высится крепостью над морем.

Одна подруга назначила нам встречу со своим спутником в винном погребе Позитано. Мы выпьем по несколько бокалов и, полюбовавшись солнцем, тонущим в ставших оранжевыми волнах, вчетвером пойдем ужинать.

Вина у Клаудио были отличные. И еще у него была сирена, принимающая ванну. Статуя высотой пятьдесят сантиметров лежала в белой керамической ванночке на четырех металлических ножках, заканчивающихся львиными лапами. Все ее тело до высовывающегося из воды зеленого хвоста было из глины, кроме шевелюры – большого куса натуральной губки, окрашенной в пурпур.

У нее были острые груди, алый рот, глаза восточной иконы. Алкоголь окрылил мое воображение. Я кружил вокруг прелестного маленького чудовища, теряясь в водах ее ванны: на что похоже лоно русалки? Уже рыбе? Еще женское?

Мне довелось снова увидеть ее на следующий день. Место располагало. Пас ждали на Ли Галли. Три торчащих из моря клыка известны также как острова Сиренузе, с тех пор как греческий географ Страбон сделал их обиталищем сирен.

Дом, прилепившийся к скалам, окруженный соснами, оливами, садами на террасах. Здесь жил Нуреев, любила Грета Гарбо. «Марлин», – яхта, прежде принадлежавшая Джону Фицджеральду Кеннеди, на ней он узнал в 1961 году о строительстве Берлинской стены, – стояла здесь на якоре, оккупированная компанией молодых людей, красивых и беззаботных, которые лежали на тиковой палубе, подставляя тела солнцу. Капли воды поблескивали на юных грудях; звенел смех. Изабелла, хозяйка трех островов, очень красивая пятидесятилетняя женщина, могла бы играть императрицу в пеплуме. На ней было тяжелое ожерелье из ляпис-лазури, подчеркивавшее ее кожу брюнетки, а может быть, наоборот – украшение ярче блестело от

соприкосновения с этим пышущим здоровьем бюстом. Она устраивала фестиваль современного искусства на острове Стромболи и позвала Пас, чтобы поговорить о нем. «Взрывные перформансы в дыхании вулкана», – объясняла она, когда нам подали цветы кабачка в кляре. Она хотела, чтобы и Пас присоединилась к фейерверку со своими фотоработами. Двое участников группы «Джанго Джанго»¹² приедут сюда пожить и поработать над звуком. Почему бы не образовать «артистический альянс»? Мы сели за стол на террасе над морем, откуда яхты казались барашками на синем лугу. Обед состоял из помидоров всех цветов, карпаччо из каменного окуня и анисового мороженого, присутствовали же за столом стилист из Рима и его спутник-француз, дизайнерша украшений из Нью-Йорка с мужем-адвокатом и парижская деловая мадам, чей муж, диетолог, предсказал мне, что я окочурюсь в этом году, если не сокращу потребление кофе. Пас, все более востребованная, не спешила с ответом. Я был на Стромболи несколько лет назад и помнил, как взрывы вулкана через равные промежутки времени электризуют ночь. В первый раз я был там один и охотно вернулся бы туда с Пас – посмотреть на краснеющую под звездами лаву и спуститься в деревню, скользя по ковру из пепла, который века обратили в черный песок. В ресторане на дебаркадере подавали очень вкусных жареных кальмаров, и, имея толику воображения, можно было почувствовать себя Росселини и Ингрид Бергман¹³.

Было хорошо. Было спокойно. Приятная истома разливалась по телу. Очарование этого места действовало на меня, и, если бы не кофе, *ристреттиссимо*, я бы, наверно, задремал.

– Так это правда, что здесь жили сирены? – спросила американка.

– Если бы вы знали, Джоан... – с улыбкой ответил муж нашей хозяйки.

Стать бонвивана, круглое лицо, обрамленное бородой цвета перца с солью, и очки в металлической оправе. Он долго преподавал в университете, и все звали его *Профессоре*. Он начал рассказывать историю трех островов, и вскоре весь стол уже засыпал его вопросами.

– *Aspettate!*¹⁴ – воскликнул он, встал и вскоре вернулся с толстым томом в охряном переплете под мышкой.

Он открыл его с театральной медлительностью. Страницы были плотные, запах доисторический.

– Это «Энциклопедия» Дидро и д'Аламбера, – сказал он. – Слушайте хорошенько, статья «Сиренузе».

Его жена вздохнула. Он не обратил на это внимания, откашлялся и начал читать зычным голосом, рассмешившим гостей, особенно когда он произносил окончания глаголов по правилам старофранцузского:

– «В древности их называли Сиренузе, или острова сирен, потому что там жили Парфенопа, Лигея и Ликозия, три прославленные куртизанки. Эти женщины обладали всеми красотами, всеми чарами и всеми мыслимыми прелестями; голоса их были прекрасны и мелодичны; и так, всеми этими ухищрениями и особенно своим пением, они завлекали всех проплывавших мимо. Неосторожные корабельщики...»

– Кто? – спросил стилист.

– Моряки, если угодно. «Неосторожные корабельщики...»

– Карло, тебе обязательно изображать акцент? – Перебила его жена.

---

¹² «Джанго Джанго» (*Django Django*) – британская арт-рок-группа, неожиданно ставшая популярной у массовой аудитории, несмотря на сложность своей музыки.

¹³ На вулканическом острове Стромболи в Тирренском море проходили съемки фильма Роберто Росселини «Стромболи, земля Божья» (1950) с его женой Ингрид Бергман в главной роли.

¹⁴ Подождите (*att.*).

– Так говорится, дорогая, – пояснил он с широкой улыбкой и продолжал: – «Неосторожные корабельщики были так обуреваемы любопытством, что не могли не высадиться на этом роковом острове, где, после запретных утех, познавали самый жалкий удел. Поэтому, согласно преданию, когда Улиссу пришлось пройти мимо этих скал, он принял мудрую предосторожность, залив воском уши своих спутников, чтобы те не слышали пения этих коварных сирен». – Он остановился. – Ладно, это вы знаете. Но послушайте дальше.

– Да вы сами сирена, *Профессоре!* Мы внимаем вашему пению... – ввернул стилист льстиво или насмешливо, какая, в сущности, разница.

Я же находил этого старика очаровательным. Лукаво улыбнувшись, он продолжал:

– «Говорят, что у древних жителей этих островов было в обычае боготворить сирен и приносить им жертвы; считается даже, что во времена Аристотеля в этих местах еще был храм, посвященный сиренам. Один из этих островов носит сегодня имя Галли, или Галле». Вот видите, мы здесь...

– *Amazing*¹⁵, – сказала дизайнерша. – Но почему изменилось название островов? Сиренузе – это красиво.

– Ненависть к чудесам, – ответил старик.

– В тексте, который вы прочли, Карло, говорится о «запретных утех», – снова вмешался стилист. – Так это были сирены или *puttane*?¹⁶

– Не абы какие, во всяком случае, – к месту уточнил его спутник. – Они обладали «всеми мыслимыми прелестями», сказано в тексте. Высокие профессионалки, судя по всему.

– То есть здесь было что-то вроде роскошного борделя, – вставил диетолог.

– *Grazie*¹⁷, Жан-Луи, – поблагодарила Изабелла, и все за столом рассмеялись.

Обстановка была милейшая. Официант принес лимончелло и «Амаро дель Капо» в маленьких замороженных рюмочках.

– «Все мыслимые прелести», но и «самый жалкий удел», – меланхолично заметил вдруг диетолог, ковыряя вилкой кусочек дыни, сок которой уже блестел на его подбородке.

– Разорялись, надо полагать, – бросила Пас.

– Или безумно влюблялись в них и чахли от любви, – предположила дизайнерша и поднесла к губам чашку, звякнув своими красивыми браслетами из бирюзового бакелита с золотыми нитями.

– Я восхищена твоим романтизмом, Джоан, – отозвалась Изабелла. – «Жалкий удел» – это, может быть, просто триппер.

– Вечно ты все опошлишь, – посетовал ее муж.

– А ты как будто не на земле живешь.

Неожиданным холодом повеяло над благословенным Сиренузе. Все занялись напитками, пережидая грозу. Стукнулись друг о друга рюмки, и сладкие ликеры снова потекли в глотки.

– Во всяком случае, эти три чаровницы были, вероятно, скорее мясо, чем рыба, – подытожил адвокат.

– Вот так мужчины и создают свои мифы, – заключил диетолог, поднося рюмку к губам.

Профессоре закрыл книгу и печально улыбнулся. Разговор, однако, был не кончен.

– А этот храм, кстати, так никто и не нашел? – поинтересовался стилист.

– Надо полагать, что нет... И вовсе не потому, что не искали, – снова заговорил профессор. – Поговаривают даже о некоем тайном обществе, объединявшем всех, испокон веков одержимых поисками этого мифического места.

– А как оно называлось?

---

¹⁵ Поразительно (англ.).

¹⁶ шлюхи (ит.).

¹⁷ Спасибо (ит.).

– Общество любовников Сирены. Говорят, в нем состоял Нуреев. Не потому ли он поселился здесь? Тайна.

– Мой муж раз мечтался, – сказала хозяйка дома. – Это подстегивает его стариковские чувства.

Как я его понимал... Бескрайний синий простор, пронзенный двумя клыками напротив нас и скрывавший, должно быть, немало подводных гротов, действительно как нельзя лучше располагал к эротическим грезам.

– Ты же знаешь, что моя сирена у меня уже есть, – отозвался он, бросив на нее выразительный взгляд, полный нежности.

Она улыбнулась ему. Они были красивы оба. Я покосился на Пас. Она скучала.

Изабелла, должно быть заметив это, предложила искупаться. Маски и ласты желающие могли взять в лодочном сарае.

– У меня еще вопрос, – решила американка.

– Джоан, так жарко...

– Только один последний вопрос, Изабелла. Вы идите, мы вас догоним. – Она запустила пальцы в волосы. – Что они, собственно, искали, эти любовники Сирены? Ведь не просто грот?

Никто не двинулся с места. *Профессоре* счел, что может продолжить.

– Верно. Они искали нечто, чем якобы обладали сирены и чему нет цены. Куда лучше всех секретов любой исключительной Камасутры. – Старый эрудит выдержал паузу. Глаза его блеснули. – Если вчитаться в текст «Одиссеи», понимаешь, что не только мелодичное пение сулили сирены Улиссу. Тот, кто его слышал, говорят они, «вернется домой восхищенным и много узнавшим». А что они знают? Ὅσσα γένηται ἐπὶ χθονὶ πουλυβοτείρῃ: «то, что на всей происходит земле жизнедарной»...¹⁸

– Они обладают даром знать будущее?

– Да. и наверняка именно поэтому их боготворили и им был посвящен храм...

– Что ж, пойдем его поищем! – Воскликнул стилист.

– Да, – подхватил диетолог, возбудившийся от лимончелло, – а ну наперегонки к гроту!

– Жан-Луи, прошу тебя, – укорила его супруга.

Все слишком много выпили.

Я не помнил, куда дел сумку с плавками, и искал ее в доме, как вдруг заметил приоткрытую дверь, из-за которой просачивался яркий свет. Я тихонько толкнул ее. Комната, освещенная солнцем, лившимся в большой иллюминатор, забранный витражом, была вся покрыта темно-синим фаянсом – пол, стены и потолок. Из мебели только широкая кровать, тоже синяя. А над ней существо в человеческий рост выходило из стены. Она была видна почти до колен и, казалось, протягивала руки к спящему, чтобы он помог ей выбраться – или желая утащить его к себе. Две округлые белые груди выступали на ее теле, покрытом до того места, где тело уходило в стену, чешуей. Младшая сестра – вернее, старшая – той сирены, что я видел в винном погребе. И волосы у нее были такие же, из натуральной губки, обожженной солнцем. Окаменевший пожар.

– Обожаю прилечь здесь после обеда...

Я вздрогнул. Это был профессор.

– Кто ее сделал? – Спросил я, показывая на статую.

Его улыбка стала шире.

– Это мой друг Фабио. Замечательный художник.

Хочу ли я с ним познакомиться? Он работал здесь, совсем рядом, в деревушке Марина ди Прайя. Свою мастерскую он устроил в башне. Он знал всех знаменитостей семидесятых,

---

¹⁸ Гомер. Одиссея. Песнь XII. Ст. 191. Пер. В. Вересаева.

которые приезжали танцевать совсем рядом, в ночной клуб, куда можно было добраться только на лодке. Профессор объяснил мне, как туда доехать, и спросил, показав на кровать:

- Вы уверены, что не хотите вздремнуть?
- Меня ждет жена.
- Вам очень повезло.

Я нашел Пас у «Марлина», где молодежь, разложив на дамбе целый урожай морских ежей, вскрывала их перочинными ножами. Оранжевая сердцевина блестела на солнце. Рядом с этими молодыми телами я чувствовал себя старым и почти невидимым. «Наконец-то ты пришел», – сказала она мне, садясь; купальник обтягивал ее горделивую грудь, которую эти юнцы, судя по их настойчивым взглядам, охотно выпустили бы на свободу.

- Идиотизм, в сущности, эти истории про сирен, – сказала она.
- Почему?

– Женщина-хищница губит мужчин своими любовными песнями. Старое как мир клише. А если вдобавок эти сирены были всего лишь *putas*¹⁹, которых идеализировали бедолаги, измученные неделями сексуального воздержания, то, честно говоря...

- Но ты не дослушала до конца. Это знание, которое они обещают, тотальное знание.
- Знание, знание. Мы ничего не знаем, Сезар. Увы, мы ничего не знаем.

Она и не подозревала, насколько права.

Она бросилась в воду. И я больше ничего не видел, только пену.

---

¹⁹ Шлюхи (исп.).

Общество любовников Сирены

Мы нашли его, этот грот. Во всяком случае, нам нравилось так думать. Это было, когда мы возвращались от скульптора.

В тот день я взял напрокат длинную лодку с мотором.

– Куда мы едем?

– Увидишь, *mi amor*²⁰.

На шее у нее висел фотоаппарат, солнечные лучи бились в объектив, вспыхивая, когда она наводила его на побережье, невероятную отвесную стену, к которой лепились очаровательные маленькие дворцы, связанные с морем рядами ступенек.

Марина ди Прайя оказалась крошечным портом, притаившимся между двумя утесами. В киоске на дебаркадере предлагали лимонное мороженое, верно, из больших горных лимонов, что свисают, тяжелые от мякоти и сока, в зеленой тени ветвей. Мы полакомились, прежде чем подняться по тропе, ведущей в башню, силуэт которой был отчетливо виден на фоне синевы утреннего неба. Мальчишки прыгали с утеса с громким визгом. Пятнадцатью метрами ниже под водой вырисовывались скалы. Здесь надо было не промахнуться. Их грация бросала вызов смерти или пожизненному параличу. Пас остановилась. Один, постарше, заметив иностранку, подошел к краю и повернулся спиной к пустоте. На его груди красовалось, в его-то неполные шестнадцать лет, стилизованное сердце, пронзенное кинжалом. Он посмотрел на Пас. Зубы сверкнули на солнце. Она подняла фотоаппарат и навела на него. Он поклонился и прыгнул. Выполнив идеальный штопор, он вошел в воду почти бесшумно. Когда его голова показалась над поверхностью, Пас заплывала. Он поднял руку в знак прощания и, сделав утиный кувырок, исчез в океане.

– Ты испугался? – спросила Пас.

Женщина верхом на кальмаре. Вот как скульптор давал знать на собственноручно вылепленной табличке, что гость вошел в его владения.

– Спортивно, – заметила Пас.

Башня была перед нами. Башня песочного замка, наполовину обрушившаяся, пряталась в джунглях инжирной опунции и лимонных деревьев, аромат которых смешивался с запахом морских брызг. Под нашими ногами вскоре захрустели странные обломки – крошечная ручка, половина головы. Глиняные черепки. У двери статуя – человек с очень черной кожей, в желто-красном тюрбане на голове, сжимал перевернутую вверх ногами голую и розовую блондинку. Напоминание об истории этих башен, воздвигнутых в XV веке для защиты от набегов берберских пиратов, которые похищали местных девушек и продавали их на невольничьих рынках Алжира. Я постучал в приоткрытую дверь. Пас не стала ждать и толкнула ее. На глиняных полках – целый морской bestiary, рыбы, осьминоги и дельфины, а еще те самые женщины с волосами из губки, зелеными, лиловыми или глубинно-синими. Возвышаясь на четырех ножках, гудела электрическая печь, в которой крепили, обжигаясь, их тела. Ступеньки вели к нише в стене, в которой было единственное и очень большое окно, выходившее на море. Скульптор поставил в нише стол с гончарным кругом, вокруг которого громоздились банки с краской, лежали куски красного коралла, мокли кисточки в половинках пластиковых бутылок.

Я сразу понял, что Пас заинтересована: молчит и не сводит глаз с потолка, откуда рядом с винтовой лестницей свисает целое войско глиняных пловчих. Подвешенные на невидимых

---

²⁰ Моя любовь (исп.).

нитях, они как будто плывут к нам кролем – одна рука вытянута, другая у бедра, – удвоенные тенями, танцующими на беленых стенах.

– *Estupendo*²¹... – прошептала она.

Мужчину, спускающегося по лестнице, мы увидели постепенно, частями: сначала плетеные мокасины, потом икры с матовой кожей, белые шорты и, наконец, все остальное – голый загорелый торс, на котором покачивались крест, неаполитанские перчики²² и другие амулеты, бородатое лицо и седые волосы.

– *Buongiorno*²³, – поздоровался хозяин.

Лет пятьдесят пять, может быть, шестьдесят. Игривый взгляд.

– Чем могу вам помочь?

Я рассказал про винный погребок, Ли Галли, сирен...

– Старый добрый Карло... – Он будто улыбался сам себе. – *Caffè*²⁴?

Ветерок с моря врывается в окно и кружил пловчих, превращая мастерскую в логово чародея. Хозяин между тем, зачерпнув из контейнера драгоценный коричневый порошок, наполнил до горлышка маленький гейзерный кофейник, и вот он уже пытел на электроплитке. Италия...

Кофе горький, крепкий. Я рассматривал окружающих нас созданий.

– Только женщины.

– Я мужчина...

А потом, с места в карьер, по своему обыкновению, Пас принялась забрасывать его вопросами. Он отвечал охотно, увлекся и, поняв, что она испанка, перейдя на испанский из неаполитанской галантности (Неаполь долго был под пятой арагонских владык, и это не забылось), принялся излагать всю свою богемную жизнь. Она впитывала его ответы и отвечала на его вопросы с таким же видимым удовольствием и на языке, исключившим меня из беседы. Они нашли друг друга. Он подарил ей написанную им книжицу, потом пригласил подняться наверх.

– Вы, разумеется, тоже, – хватило у него деликатности добавить.

Верхний этаж – это было нечто головокружительное. Три окна, стены сплошь покрыты рисунками, гравюрами, картинами. Рыбы и женщины. Между картинами – зеркала всех размеров, отражают море, и кажется, что все эти создания купаются в нем. На плиточном полу почти никакой мебели, только старый матросский сундук и железная кровать.

– Вы здесь живете? – спросила Пас.

– Нет, но после обеда люблю прилечь здесь и послушать сирен.

– Как ваш друг с Ли Галли.

– *Il professore*? Мы состоим в одном клубе...

– Любовников Сирены?

Он не ответил.

– Редкий вид... – заметил я.

– Не обольщайтесь.

Глаза его блеснули.

Мы спустились. Пас была в том состоянии, которое я успел изучить как свои пять пальцев. Атмосфера ее возбудила, кровь кипела в артериях, расцветивая лицо. В мастерской морской бриз, врываясь в окно, все кружил в танце пловчих. Но Пас выбрала не одну из них, а ныряющую охотницу, атлетически сложенную и в то же время стройную, в большой стеклян-

---

²¹ Изумительно (*исп.*).

²² Перчик – *corniciello*, маленький рог, или перчик, непременно красного цвета, традиционный неаполитанский талисман, существующий со Средних веков.

²³ Добрый день (*исп.*).

²⁴ Кофе (*исп.*).

ной вазе. Округлые ноги статуи снаружи, она только что нырнула в воду, которую изображал стеклянный ободок, окружающий ее бедра и накрывающий вазу. Верхняя часть тела внутри вазы, лицо в маске, пышная грудь и прелестные руки – правая, вооруженная острой, пронзает спрута, тоже терракотового, который плавает на дне, засыпанном песком, ракушками и галькой. Поймав взгляд Пас, Фабио подошел к маленькой глиняной женщине. Достал из вазы и перевернул. Теперь ее ноги внутри, а из воды высовывается верхняя часть тела, голова запрокинута к небу, в руке победоносно поднята в воздух насаженная на острогу добыча. Пас улыбнулась.

– *Bella nuotatrice*²⁵, – сказал скульптор. – Дань Эстер Уильямс²⁶.

– Кто это? – спросила Пас.

– Спортсменка, пловчиха. Чемпионка в стометровке вольным стилем. Потом она и правда снималась в кино. Это она... – Он принес фотографию в рамке, стоявшую рядом с его гончарным кругом. Высокая темноволосая женщина в бикини позирует, сидя на подиуме, на котором можно прочесть три слова: *Dangerous when wet*²⁷.

Пас хотела сразу забрать пловчиху, но скульптор убедил нас, что будет неосторожно везти ее в лодке, и предложил доставить сам. Она прибудет к нам через несколько недель, в самой надежной упаковке.

* * *

А на обратном пути мы нашли грот – горизонтальную щель в меловом утесе, челюсть, заглатывающую море. Увидеть его было трудно, в отвесной стене через каждые пятнадцать метров зияли отверстия, в которых клубилась пена. Но это жерло было шире, и перед ним бурлил маленький водопад. Он поил цеплявшиеся за скалу растения и на несколько градусов охлаждал море. Мы бросили якорь, чтобы напоследок, перед возвращением в пансион, искупаться, и заметили разницу температур. Вот тогда-то наше внимание привлекла та самая челюсть. Мы подплыли к ней, глубоко вдохнув, нырнули и перевели дыхание по другую сторону, в естественном бассейне, окруженном ложем светло-серой гальки, забрызганной светом, – казалось, солнце светило внутри грота.

– *Incredible*²⁸! – с восторгом прошептала Пас.

Мы легли на гальку. Зеленая с голубым отливом вода будто пылала. Гулкое эхо усиливало дыхание Пас. Окрыленный красотой и силой момента, я потянул завязки купальника Пас и положил руку на выпуклость ее лона.

– Не сейчас, – вдруг сказала она.

– Не сейчас... или не здесь?

Она повернула голову ко мне. Ее влажный рот был сантиметрах в десяти от моих губ.

– Не здесь. Проявим смирение.

Опять одна из этих пасовских фраз, которые надо расшифровывать.

– Прости?

– Это храм...

– Я думал, ты считаешь это *идиотизмом*?

– Непостоянство – имя твое, женщина.

– Ты меня достала, Пас.

---

²⁵ Прекрасная пловчиха (*ит.*).

²⁶ Эстер Уильямс (1921–2013) – американская пловчиха, актриса и сценарист, звезда «водного мюзикла» 1940-1950-х годов, получившая прозвище Американская Русалка и Русалка Голливуда.

²⁷ Опасно, когда мокро (*англ.*).

²⁸ Невероятно (*исп.*).

Мои пальцы снова отправились исследовать рельеф, на сей раз успешно. Наши вздохи смешались, и вскоре их поглотил приглушенный плеск волн.

– Тсс... – выдохнула она, прижав палец к губам.

Я перекатился набок. Ее черные глаза были устремлены на потолок. От времени, соли и капель воды, просачивавшихся сквозь скалу тысячелетиями, он играл розовыми оттенками.

– Смотри, что там вылеплено.

– Да, вылеплено, – согласился я, водя пальцем по кончикам ее груди.

– Прекрати, Сезар, посмотри хорошенько.

Я тоже перевернулся на спину. Она оказалась права. Немного сосредоточившись, можно было разглядеть лица. Бородатый маг анфас, глаза прищурены то ли внимательно, то ли сердито. И женский профиль с замысловатой прической, рот приоткрыт, словно готов поведать нам какие-то древние тайны. И еще. Силуэт плывущей девушки. Присевший человек с поднятыми руками как будто удерживал одной своей силой весь утес.

– Это эрозия, – сказал я, – и игра света на камне.

Так ли?

Дрожь пробежала по ее телу.

– Что с тобой?

– Идем.

Она поднялась, еще нагая, с купальником в руках, и увлекла меня в глубину грота.

Там открывался проход, и она вошла. Три или четыре метра надо было протискиваться между двух скал – щель сантиметров в сорок.

– Пас, ты уверена?

Она не ответила. С бьющимся сердцем я последовал за ней. Я никогда не был фанатом спелеологии и быстро запыхался. Увидел, как в конце прохода она карабкается вверх. Полез следом. Скала была скользкая, бурая, пропитанная острым запахом соли и водорослей. Рокот волн усиливался, словно море хотело одолеть камень. Отвоевать у соперника потерянную территорию.

– Куда мы, Пас? Осторожней все-таки...

Я больше не видел ее.

– Чуть подальше свет, – прозвучал ответ в нескольких метрах от меня.

– Пас, это опасно. Там, наверно, целая сеть туннелей. Мы заблудимся.

– Готово дело, ты получил, что хотел, и начинаешь ворчать?

Ее голос был далеко.

– Где ты?

Пошарив рукой, я понял, что выше подняться нельзя. Проход выводил на более-менее плоскую поверхность, которая дальше слегка шла под уклон.

– Внизу. Садись и съезжай, здесь скользко.

С героизмом у меня облом. Однако я повиновался. Ручеек змеился по скале и вытекал на другой пляж. Вернулся свет, озарив полумесяц белой гальки рожками к морю. Пас танцевала, по-прежнему нагая, бурно радуясь открытию этого тайного хода. Она заговорила томным голосом, растягивая слоги:

– Я сирена, я сирена... возьми меня, юный *корабелыцик*... – и прижалась ко мне своими крутыми ягодицами, влажными, солеными и слегка гусянокожистыми.

Dangerous when wet.

* * *

Месяц спустя посылка прибыла в Париж. Увидев имя отправителя, Пас ринулась на коробку с ножом в руке.

– Моя *nuotatrice*, моя *nuotatrice*!

Она разрезала упаковку, отшвырнула четыре слоя картона, раскромсала пузырчатую пленку, и у нее вырвалось громкое *joder*²⁹!

Не веря своим глазам, она схватилась за голову.

Я подошел ближе. Зрелище было печальное. На ложе из полистироловых пузырьков лежал обрубок женщины. От окружавшего ее бедра диска, который изображал поверхность воды, остались одни осколки, голубоватые кинжальчики, ноги жалким обломком лежали в нескольких сантиметрах. Путешествие с итальянского побережья в Париж стало для пловчихи роковым.

Я позвонил скульптору. Он очень расстроился, такого никогда не случалось. Он был готов все исправить, но ему нужна была статуя, отправьте ее мне, сказал он, а я потом пришлю ее обратно. Слушая его клятвы, я повернул голову и увидел, как Пас рассматривает у себя на ладони три маленьких глиняных осколка. Три коричневых пальца пловчихи, тоже разбитые.

– Он предлагает послать ее назад.

Пас вырвала телефон у меня из рук и заорала:

– А если она опять разобьется? Так и будем посылать туда-обратно? Вы сказали, что это надежно. Я вам больше не верю.

Она бросила трубку.

– Ты же не потребуешь, чтобы он приехал сюда? – отважился я.

– А почему нет? Это его вина. Перезвони ему, настаивай.

Это стало навязчивой идеей. Пас не только была ужасно разочарована, она видела в случившемся дурное предзнаменование, сглаз. «Прекрати, что за чушь», – говорил я ей. Но перезвонил. Скульптор стоял на своем. Если мы хотим, чтобы он починил статую, она нужна ему здесь.

– Надо было взять ее с собой, – сетовала Пас, – а не оставлять ему!

– Мы были на лодке, а он сказал, что она хрупкая.

– Да уж, в этом мы убедились.

– Я могу заказать ему другую, такую же?

– Нет, мне нужна эта. Пусть он ее починит.

Пас не держалась за свою собственность. Материальное для нее было преходяще. Но эта статуэтка была не просто статуэткой, это был запечатленный момент благодати, глупейшим образом испорченный, и ее надо было починить как можно скорее, чтобы он вернулся. Пловчиха стала символом.

– Он ее починит. Клянусь тебе.

Скульптор, которому я не давал покоя, в конце концов уступил и обещал, что сам починит ее, когда будет проездом в Париже. У него-де здесь друзья. К сожалению, после этого его телефон был недоступен. Пас? Надулась. Потом посыпались упреки: я не особо старался. Я не был достаточно тверд с художником.

Прошли месяцы. А следом и годы. Родился наш сын, о пловчихе мы забыли, убрав ее с глаз долой, а потом произошел этот глупый несчастный случай и Пас погибла.

---

²⁹ Испанское ругательство.

Я начал видеть связь.

Общение

Два года после смерти Пас я не мог смириться. Я отчаянно ждал знака. И вот, занявшись однажды в воскресенье вечером поисками более удобной перинки для нашего подраставшего сына, я наткнулся на коробку. В стенном шкафу кабинета, на маленьком бирманском сундучке, где хранились последние снимки Пас.

Я извлек коробку на свет. Отодрал скотч, разрезал пузырчатую пленку. От контраста между решительным лицом пловчихи и ее разбитыми бедрами у меня защемило сердце. Шесть лет спустя меня терзали угрызения совести. А что, если все это моя вина? Эта статуэтка связывала меня с Пас, несла с собой все, что Пас любила, – воду и солнце, грацию и движение, соль и ветер.

– Что это, папа? – спросил сын, застав меня врасплох, когда я не мог оторвать от нее взгляд. Я вздрогнул. Он вылез из кровати и стоял босиком, в полосатой пижаме, держа за крыло своего любимого цыплячье-желтого плюшевого Птица, чьи оранжевые лапы волочились по полу.

– Сувенир.

– Что такое сувенир?

– Так, ничего, – сказал я, не в силах объяснить, парализованный страхом расплакаться при нем.

Он ушел спать, не сказав больше ни слова.

Вот так, совершенно абсурдным образом, я вбил себе в голову, что починить статую абсолютно необходимо, – для нее, для нас, что этим я заглажу удар судьбы, совершу акт искупления, из которого непременно проистечет что-то хорошее. Ей это понравится, она подаст мне знак. Ответит наконец на единственный вопрос, которым я задавался: намеревалась ли она, да или нет, вернуться из этого путешествия? Что означало: были ли мы ей по-настоящему дороги?

Когда особа, которую я продолжал посещать дважды в неделю, чтобы «выговориться и пережить утрату», услышала мой план – а я им с ней поделился – и пришла в замешательство, я только уверился еще сильнее.

Тем более что я уже все перепробовал, в частности «революционную» методику IADC. *Induced After-Death Communication*, по-французски – индуцированное общение с умершими, родилось из опыта работы с американскими солдатами, возвращавшимися со Среднего Востока в состоянии посттравматического стресса. Все начиналось с глаза, который должен был сосредоточиться на некоем воспоминании и пальце терапевта. Оказалось, что быстрое движение глазного яблока вправо-влево погружает пациента в «состояние измененного сознания» и позволяет мозгу «бессознательно перерабатывать данные». Эти пустые слова, особенно «данные», меня ранили. Сфокусировавшись на образе покойного, «скорбящий» мог войти с ним в мысленный контакт. И эта связь открывала ему иногда очень четкие истины – «например, местонахождение страхового полиса, о котором живой не знал».

– Страховой полис – это не совсем то, что я ищу, – перебил я.

– Я говорю для примера. Чтобы показать вам, что это отнюдь не галлюцинация. Мы просто открываем наши каналы восприятия на других уровнях реальности. Это бывают любовные послания, ответы на вопросы, которыми задается живой. Терзаясь от них чувством вины. Это очень хорошо работает с людьми, потерявшими близких при теракте.

– Мою жену убил не ИГИЛ, она утонула.

Психологиня больше ничего не сказала. Она передала меня в руки «светила» этой самой «революционной» методики.

Результатов он добивался поразительных. Но не со мной. Ответом было глухое молчание Пас.

Так что оставалась статуя. Последний шанс. Я снял один за другим осколки стекла с ее бедер: с этим острым поясом ее не пустили бы в самолет. Потом упаковал ее в несколько слоев пузырчатой пленки и завернул в три пляжных полотенца. Не забыл и коробочку из-под крема, наполненную ватой, где лежали три пальца ее левой руки, такие тонкие, такие коричневые, и положил этот ковчежец рядом с телом в ручную кладь. В кармане у меня был билет до Неаполя.

Я начал свое паломничество.

Починить статую

Неаполь встретил обжигающей легкой жарой и переполненными мусорными баками. Я сел в такси. До Сант-Эджидио мы худо-бедно доехали. Но когда надо было спуститься с горы к побережью, кошмар предстал во всей своей красе: блестящая змея неподвижных автомобилей, которую безжалостно плавил солнечный свет.

Шофер спросил, не включить ли музыку. В салоне зазвучал тенор Андреа Бочелли:

*Con te partirò
Su navi per mari
Che, io lo so
No, no, non esistono più
Con te io li vivrò*³⁰

Я смотрел на лимонные деревья и прилепившиеся к скалам домики. Весь этот мирок, казалось, готов был броситься в пустоту.

– Что там у вас?

В зеркальце заднего вида, на котором болтался десяток амулетов, водитель показал подбородком на лежащую у меня на коленях спеленатую статую. Чтобы уберечь от дорожной тряски, я вынул ее из чемодана.

– Похоже, что у вас там *bambino*³¹.

Сорренто, Сант-Агата суи Дуэ Гольфи, Колли ди Фонтанелле, Позитано, Лаурито, Веттика Маджоре... вот наконец и Марина ди Прайя. Башня отчетливо вырисовывалась на фоне морской синевы. Машина свернула с шоссе и поехала вниз по почти отвесной дороге. Мой водитель верил в свои тормоза. Когда он остановился, башня была как на ладони, в нескольких шагах. Возвращение в эти места взволновало меня. Шесть лет назад рядом со мной была Пас.

– Подождите меня здесь, пожалуйста.

Я взял *bambino*, захлопнул дверцу. Ну, держись, Фабио.

Аромат лимонов смешивался с запахом моря. Дверь была открыта. Я вошел. Сидя за столом, он рассматривал красный коралл на голове сирены.

– *Buongiorno*.

Он даже не вздрогнул. Меня он узнал сразу. Он похудел. Я положил «младенца» на круглый стол. Пловчихи по-прежнему наяривали кролем под потолком.

Я осторожно развернул полотенце и стал рвать пузырчатую пленку.

– Подождите, – тихо сказал он. Сходил за ножницами и принялся за дело. Казалось, мы вызволяем пострадавшего в дорожной аварии из железной тюрьмы.

Появилась пловчиха.

– В самом деле... – Сказал он.

– Почему вы не ответили? – Спросил я, вглядываясь в его прятанные за очками глаза.

– Я был очень болен.

– Вот как?

Выглядел он неважно. Но говорил как будто искренне.

– Легкие. Я лежал в больнице...

И после короткой паузы:

---

³⁰ С тобой я уйду / на судах через моря / Которые я знаю / нет, нет, они больше не существуют / я переживаю их с тобой (ит.).

³¹ Ребенок (ит.).

– А потом я забыл... Как поживает ваша подруга?

– Она умерла.

Было видно, что его это поразило. Он опустил голову. Повисло долгое молчание, которое нарушил я:

– Она просит, чтобы вы починили пловчиху. Как обещали.

– Она просит?

– Она просила...

– Я сделаю вам другую, если хотите.

– Нет, я хочу эту. Я вернусь через три дня.

Я был настроен серьезно. Он это почувствовал.

Я сел в машину и назвал адрес. Наш тайный адрес. Место нашего канувшего счастья, где я хотел попытаться вновь пережить его в последний раз. Чтобы все шансы были на нашей стороне.

Рай начинается с мелких мазков.

Сначала ты видишь только табличку на дороге. Но ни дома, ни сада. Ничего. Ты останавливаешься. Проходишь в калитку, спускаешься на несколько ступенек. И вот тут чувствуешь запахи. Сначала – розмарина, мяты, тимьяна и базилика. Фоном – запах моря, чьи волны танцуют где-то внизу, ты это уже угадываешь. И нота сердца – лимоны. Это край лимонов. Их безраздельные владения. Вот первый дом, где крепкий малый с очень светлыми глазами по имени Габриэле дает тебе ключ и, подхватив багаж, просит следовать за ним по ступенькам, отвесно спускающимся в синеву. Тирренское море складками раскинулось под солнцем; солнце слепит тебя и многократно усиливает краски. Ты спускаешься еще ниже, и появляется белый домик с голубыми ставнями, волнистая крыша, рисующая верх буквы л. Ты помнишь все: голубой плетеный коврик с белым морским коньком у входа и звук твоих шагов на плиточном полу коридоров. Тебе не пришлось просить ту же комнату. Само собой разумеется, что она достанется тебе. Это ваша комната. Ты знаешь, что сейчас увидишь над кроватью любительскую картину, изображающую церковь с эмалевым куполом в соседней деревне.

Открывается дверь, и ты убеждаешься в этом. Ничто здесь не меняется, потому вас и тянет сюда. Габриэле распахивает ставни, открывается балкон, зависший в синеве. Сколько раз она щелкала здесь фотоаппаратом, когда ты плавал внизу и звал ее?

Ты едва не расплакался, когда он ушел. Прохладные плиты пола, на которых она любила полежать, когда ночь была слишком жаркой. Ты разделся. Нырнул под душ, глядя на море в стрельчатое окно. Твое тело под струями. Ты лег на кровать, и брызг высушил последние капли. Ты подумал о ней, и пришли новые слезы, и напряжение на время отпустило.

Ты вернулся в красоту. Без нее.

Здесь мы жили совсем простой жизнью. «Корабельной жизнью», как говорила Пас. Да это и был бывший дом архитектора. Мы спускались купаться, возвращались в комнату, снова спускались купаться. Завтракали на балконе помидорами с моцареллой из молока буйволицы, полированными оливковым маслом, похожим на солнечный сок. Потом сиеста, опять купание, налево или направо в поисках скрытых бухточек, до которых можно добраться только вплавь. *Корабельная жизнь.*

Я распаковал багаж. Была ли это хорошая мысль – вернуться в места любви? Жарко. Я сую монетку в два евро в карман джинсов и выхожу из дома. Двести вырубленных в скале ступе-

нек ведут к бетонному солярию, который называют *spiaggia*³². Путь к воде – Голгофа наоборот. Спускаешься без страданий, но с нарастающим удовольствием, а в конце – тот же апофеоз. Пять зонтиков и столько же шезлонгов, в которых дремлют томные лианы в йодистой жаре, из оцепеневшей руки выпал бестселлер. Я смотрю на обложку, которой касаются длинные намакиюренные пальцы. Чтение – та же ласка.

Из воды выходит парочка. Мужчина хватается за лесенку, карабкается, протягивает руку девушке, помогая. Они молоды, здоровы. Она отряхивает капли, довольная, на ее купальнике черные и белые треугольники прилегают друг к другу, как наверняка будут прилегать их тела через четверть часа.

Я вхожу в воду. Сирены, если они и вправду живут здесь, должно быть, плавают подо мной. Я вспоминаю обед на Ли Галли. Вспоминаю бокал шампанского в отеле «Сиренузе де Позитано», вспоминаю Пас, и слезы смешиваются с пеной.

Сжимаю в руке монетку в два евро.

Монетка – это был наш ритуал. Мы делали это каждое утро после любви и чтения.

Местами мне видно каменистое дно под водой. Яркое солнце режиссирует там настоящий театр теней.

Церковь как будто встает из волн, опираясь на стену, которой не меньше тысячи лет. Я вспоминаю гору Афон, вспоминаю отшельников, которые угостили меня лукумом и стаканчиком ракии, когда не было больше сил идти. Я огибаю церковь вплавь. Добираюсь до лесенки, соединяющей пляж с дамбой. Надо ждать своей очереди. Когда вылезает девушка, плещущая вокруг мальчишки своего не упустят. Сверху слепят экраны смартфонов. Люди загорают, чатятся и фейсбучатся, лежа на полотенцах с эмблемой футбольного клуба «Наполи». Я иду в «Неттуно», бар с белой вывеской, выдолбленный в скале. Повторяю один за другим все этапы нашей игры. Это вознаграждение наших усилий, морковка нашего купания. Вхожу весь мокрый. Все та же деревянная стойка, на ней в витринах пастилки «Леоне» – с корицей, с лакрицей – или *liquirizia*, самые любимые Пас. На двустворчатой двери реклама домашних панини, киносеансов *alla stèle*, под открытым небом, и эскимо из морозильника. Я всегда, с малых лет, любил слово «эскимо». Лизнешь его – и ты уже на льду, мчишься на санях, запряженных белыми псами с обезумевшими от свободы глазами. Двое мальчишек толкают меня, гоняясь друг за другом, как котят. Луиджи привык. У него все та же серебристая шевелюра и неприветливый вид. За его спиной стена бутылок. Апероль, мартини, кампари. Фотография предка, подвешенные четки в золоченой рамке и красно-белый спасательный круг в углу, рядом с синим веслом.

– *Buongiorno*, Луиджи.

Он готовит мне два напитка в двух маленьких стаканчиках. *Crema di caffè* крутится в прозрачном кубе с маркой *Antica Gelateria del Corso*, его от души взбалтывают, насыщая кислородом, две пластмассовые лопасти машины. Я кладу на стойку монетку в два евро и выхожу, унося в глазах море и небо, наконец-то слившиеся. Прислоняюсь к стене. Пью свой *caffè*. Потом ее, потихоньку. Любовь моя. Надо мной маленькая белая часовня по-прежнему стоит на утесе. У нее закругленная крыша. Вокруг скалы поросли кипарисами и соснами, пригнувшимися от ветра, среди деревьев виднеются развалины древнего замка, где скрывался знаменитый разбойник. Деревня притаилась в ложбине, ее домики – белые, охряные, розовые – словно карабкаются друг на дружку, сливаясь, до арок поддерживающего шоссе моста, взбираются даже на него. Лабиринт лестниц с созвездиями окон, украшенных, будто флагами, махровыми полотенцами, сбегает к пляжу, где стою я в дружеской компании *ragazze* и *ragazzi*³³, татуированных по самое некуда. Италия во всей своей утонченной и варварской красе.

³² Пляж (ит.).

³³ Юноши и девушки (ит.).

Каталог татуировок

Она любила этот момент. Возвышаться над лежащими телами. Любила этот маленький пляж. Даже рядом с двадцатилетними грудками, налитыми плодами или снарядами, взглядом всегда склонялся в ее пользу. Причем ей не приходилось, как дебютантке, расстегивать лифчик.

Она любила рассматривать тела. «Они так много могут рассказать», – говорила она. Ее взгляд улавливал все, на все реагировал. Она любила татуировки. Кожа для нее была пергаментом, рассказывающим тайную историю нашей эпохи с ее законами, ее мечтами, ее иллюзиями.

Что она расшифровала бы сегодня со мной? Я начал визуальную прогулку. Раскинутые на пояснице, задевающие ягодицы крылья оказались выбором номер один у девушек. Смысл: держи меня за это место – и мы улетим? У парней, традиционно более приземленных, преобладали мотивы, навеянные племенной тематикой, маорийские или кельтские: дух клана держался крепко, красноречивый для мечтателей.

Я также с интересом отметил, что у обоих полов изрядно прибавилось «текстовых» татуировок. Фразы. Красивые фразы. Указывало ли это на потребность в романтическом, на скорое возвращение к чтению, или сказывалось влияние смс и твиттера? Вот, скажем, эти тридцать четыре буквы под левой грудью сорокалетней брюнетки: *Si vive come si sogna: perfettamente soli*. «Мы живем как видим сны: совершенно одни».

Вот еще книга, которую мы с Пас могли бы написать – «Книга тел». Хотя бы сделать ее приложением к той, которую мы начали и в которой запечатлевали все, что любили в старом мире, – она делала фотографии, я писал текст, и мы называли ее «Книга о том, чего скоро не будет»... Ведь всего этого тоже скоро не будет, о чем, кстати, говорят иные тела с прозорливостью, достойной похвалы. *L'amore è eterno finché dura* («Любовь вечна, пока она длится»), прочел я на затылке, где из искусственно белокурого пучка выбивались черные волосы, естественные. Нельзя долго скрывать правду.

Я отметил, и это обнадеживало, несколько избранных литературных цитат. На подставленной солнцу лопатке – *La bellezza salverà il mondo*, «Красота спасет мир». За фразой следовали скобки, в которых угнездилось – изыск в наше время, когда авторское право тает, как мороженое на солнце, – имя писателя, написанное по-итальянски: *Fëdor Dostoevski*).

Удивительные философские заключения спорили друг с другом на одном и том же человеке. Так, на правом плече мамыши, кормившей грудью малыша, красовалось шумпетерианское³⁴ воззвание *To create is to destroy*, «Созидать значит разрушать», тотчас опровергнутое посланием веры в будущее на левом плече: *A mio figlio per la vita*, «Моему сыну на всю жизнь».

Из-под краешка стрингов выглядывает латинская фраза: *Iterum rudit leo*, «И снова рычит лев»... Удовольствие знать, что тебя поймут лишь немногие избранные?

Я дошел до конца маленького пляжа. Лежа на спине, девушка лет восемнадцати дремала в тени гигантского якоря, служившего символом этой рыбацкой деревни. *Solo Dio può giudicarmi*, «Только Бог может судить меня», говорило ее бедро, украшенное гирляндой орхидей. Послание, адресованное ей одной, чтобы приободриться, устремляясь с наступлением темноты в обещания ночи? Очень, между прочим, совместимо с жизненным кредо, которое выставил напоказ у себя на груди *ragazzo*, лежащий в двух метрах от нее: *Every wall is a door*. «Любая стена – дверь».

---

³⁴ Йозеф Алоиз Шумпетер (1883–1950) – австрийский и американский экономист, политолог, социолог и историк экономической мысли. Популяризировал термин «созидательное разрушение» в экономике и термин «элитарная демократия» в политологии.

От такого стремления утвердиться голова шла кругом. И приходило понимание, что потребность в любви и доверии чересчур велика, чтобы когда-нибудь быть утоленной. И огромное горе – по разительному контрасту с глыбами крутых гор, ложбинами в кружевах винограда, часовнями, затерянными в яркой зелени гранатовых деревьев, которые всегда будут казаться сошедшими с полотна кватроченто³⁵, далекими от людской суеты.

---

³⁵ Кватроченто, также кваттроченто – общепринятое обозначение эпохи итальянского искусства XV века, соотносимой с периодом раннего Возрождения.

Балкон над морем

– Как это случилось?

Лука не может опомниться. Он потрясен.

– Ты мог бы мне сказать. Мы не понимали, почему вы больше не приезжаете.

Я рассказываю ему и о нашем сыне. Он бледнеет. Его жена Марта выходит из кухни и ставит передо мной тарелку анчоусов, собственноручно замаринованных ею в местном оливковом масле с лимоном и розовым перцем.

Лука бросает ей несколько быстрых фраз по-итальянски. Ее рот округляется буквой «о», но не издает ни звука. Она кладет руку мне на плечо и возвращается в кухню. Лука садится, наливает нам по стакану белого вина. Перекрестившись, устремляет взгляд в мои глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.